Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ про Али-Баба и сорок разбойников и невольницу Марджану, полностью и до конца
(Сказка про Али-Бабу и сорок разбойников)

Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 1
Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 2
Рассказ про Ала Ад-Дина и волшебный светильник, часть 3

«Повествуют в древних, старинных преданиях живших в прошлом народов и минувших поколений — а Аллах более всех сведущ в неведомом и премудр,— что в былые времена и прошедшие века и столетия жили в одном из городов Хорасана персидского два человека, родные братья, одного из которых звали Касим, а другого — Али-Баба. Отец их скончался и оставил им лишь ничтожное наследство и незначительное имущество, и братья поделили то, что оставил отец, хоть и было этого немного, по закону и по справедливости, без споров и пререканий. Потом, после раздела наследства родителя. Касим женился на богатой женщине, владелице земель, садов, виноградников и лавок, полных роскошными товарами и бесчисленными ценными вещами, и принялся продавать и покупать, получать и отдавать, и состояние его умножилось, и судьба помогла ему, и приобрел он славу среди купцов и значение в глазах людей почтенных и состоятельных. Что же касается Али-Баба, то он женился на бедной женщине, не имевшей ни дирхема, ни динара, ни домов, ни поместий. Он истратил в короткое время то, что унаследовал от отца, и овладела им после этого нужда с ее горестями и бедность с ее тяготами и заботами, и растерялся он, не зная, что ему делать, и не мог придумать никакой хитрости, чтобы добыть пропитание и средства к жизни. А Али-Баба был человек знающий, разумный, понятливый и образованный, и тут он произнес такие стихи:

«Твои познанья, как луна, светлы.
Ученый ты»,— твердят мне все подряд.
Но от похвал я рад бы убежать.
Что значит мудрость? Власть сильней стократ.
Вы говорите: клад — премудрость книг.
Хотел бы я отдать ее в заклад.
Ведь не дадут гроша, и лишь в лицо
Проклятия и книги полетят.
В моей судьбе — злосчастья что ни день,
Жизнь бедняка — не жизнь, а сущий ад:
В жаровнях наших стынут угольки,
Глад мучит летом, а зимою хлад,
Рычат на нищих уличные псы,
Встречаешь всюду брань и злобный взгляд.
Не сетуй — не простят нам нищеты,
Все жалобы на бедность невпопад.
И если в жизни нет отрады нам,
Уж лучше — в гроб, там люди мирно спят» *.

А кончив говорить, он сел и стал думать о своем положении, размышляя, на что ему опереться в своих делах, чтобы прожить, и как добыть пропитание, и сказал про себя: «Если я куплю на оставшиеся у меня дирхемы топор и несколько ослов, поднимусь с ними на гору, нарублю там дров и, спустившись, продам их на городском рынке, то наверное добуду достаточно, чтобы рассеять мою заботу и покрыть расходы на семью». Эта мысль показалась ему хорошей, и он поспешил купить ослов и топор, а наутро отправился на гору с тремя ослами, и каждый осел был ростом с мула.

И Али-Баба провел день за рубкой дров, которые он вязал в вязанки, а когда время подошло к вечеру, нагрузил своих ослов, спустился с ними с горы и шел, направляясь в город, пока не достиг рынка. Он продал дрова и потратил вырученные деньги на улучшение своего положения и на расходы для семьи, и рассеялась его грусть, и исчезло расстройство духа, и он прославил и восхвалил Аллаха. Он провел ночь довольный, с радостным сердцем и спокойной душой, а когда наступило утро, встал, и вернулся на гору, и стал делать то же, что делал накануне, и он взял это себе в привычку и каждое утро отправлялся на гору, а вечером возвращался на городской рынок, и продавал там свои дрова, и расходовал деньги на семью.

И обрел Али-Баба от этого благо и продолжал жить таким образом, и вот однажды, когда он рубил на горе дрова, он увидел, что поднялось облако пыли, которое заволокло края неба, а когда пыль рассеялась, показалось несколько всадников, подобных ярым львам, и были они увешаны оружием, одеты в кольчуги и опоясаны мечами, и у колена каждого было копье и на плече — лук. И Али-Баба испугался их, устрашился и встревожился. Он направился к высокому дереву, взобрался на него и укрылся между ветвями, полагая, что это разбойники, и, притаившись за покрытыми листвой сучьями, направил взоры на всадников. Когда Али-Баба влез на дерево и вгляделся во всадников взором проницательного, он твердо уверился, что это воры и разбойники. Он пересчитал всадников, и оказалось, что их сорок человек, и каждый из них ехал на скакуне из числа лучших коней. И усилился страх Али-Баба, и он очень испугался; у него высохла слюна, и не знал он, как ему быть. А всадники между тем остановились, и сошли с коней, и повесили им на шею торбы с ячменем, а потом каждый из них взял мешок, привязанный на спине его коня, и положил себе на плечо. А Али-Баба поглядывал на разбойников и смотрел на них с дерева. И их предводитель пошел впереди своих людей, и направился к склону горы, и остановился перед небольшой дверью из стали; эта дверь находилась в месте, поросшем густой травой, так что ее не было видно из-за множества колючих кустарников, и Али-Баба раньше не замечал ее — совершенно ее не видел и ни разу на нее не наткнулся.

И когда разбойники остановились у стальной двери, предводитель их крикнул громким голосом: «Сезам, открой твою дверь!» — и когда он произнес эти слова, дверь открылась. и предводитель вошел, а за ним разбойники, несшие на пле чах мешки. Али-Баба удивился и твердо решил, что каждый мешок полон белого серебра и желтого, чеканного золота. А дело действительно так и было, ибо эти воры грабили на дорогах и делали набеги на селения и города, обижая рабов Аллаха, и совершив ограбление каравана или набег на какую-нибудь деревню, они всякий раз приносили добычу в это уединенное, скрытое, удаленное от глаз место. И Али-Баба сидел на дереве, спрятавшись, безмолвный и недвижимый, и не отводил взгляда от разбойников, наблюдая за их действиями, и наконец он увидел, что те выходят с пустыми мешками, предшествуемые предводителем. Они снова привязали мешки на спины коней, как раньше, взнуздали коней, сели и поехали, направляясь в ту сторону, откуда пришли, и ехали, ускоряя ход, пока не удалились и не скрылись с глаз, а Али-Баба от страха молчал, не шевелился и не дышал, и он лишь тогда спустился с дерева, когда они удалились и скрылись с глаз.

И когда Али-Баба почувствовал себя в безопасности от их зла и успокоился и утих его страх, он спустился с дерева, подошел к той маленькой двери и остановился, рассматривая ее, а потом промолвил про себя: «А что, если я скажу: «Сезам, открой твою дверь!» — как сделал предводитель разбойников? Откроется она или нет?»

И он подошел к двери и произнес эти слова, и дверь открылась, а причиной этого было то, что это место создали непокорные джинны, и оно было заколдовано и охранялось великими талисманами, и слова: «Сезам, открой твою дверь!» — были тайным средством снять запрет и открыть дверь. И Али-Баба, увидев, что дверь открыта, вошел, и не успел он переступить порог, как дверь за ним замкнулась. Али-Баба испугался, и устрашился, и произнес слова, ко: торых не устыдится говорящий: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!»

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

— а потом он вспомнил слова: «Сезам, открой твою дверь!» — и его страх и ужас рассеялся. «Мне нечего беспокоиться о том, что дверь закрылась, раз я знаю тайный способ ее открыть»,— сказал он себе и прошел немного вперед. Он думал, что в этом помещении темно, и до крайности удивился, увидев, что это просторная, освещенная комната, возведенная из мрамора, хорошо построенная, с высокими сводами, и что в ней сложено все, чего может желать душа из кушаний и напитков. Оттуда он перешел в другую комнату, более обширную и просторную, нежели первая, и нашел там богатства, диковинки, редкости и чудные вещи, вид которых ошеломляет смотрящего и бессильны описать их описывающие. Там были собраны слитки чистого золота и другие слитки — из серебра, а также отборные динары и полновесные дирхемы, и все это лежало кучами, словно песок или галька, и нельзя было этого исчислить и сосчитать.

И когда Али-Баба походил по этой удивительной комнате, он увидел еще одну дверь и прошел через нее в третью комнату, красивей и прекрасней второй, и были там сложены наилучшие одежды для рабов Аллаха из всех стран и земель. Там лежали во множестве дорогие отрезы хлопчатобумажной ткани и роскошные шелковые и парчовые одеяния, и нет такого сорта материй, которого не нашлось бы в этом помещении, будь они из земель сирийских, или из самых дальних стран Африки, или даже из Китая, Синда, Нубии и Индии. Потом Али-Баба перешел в комнату драгоценных камней и самоцветов, и была она больше и чудесней всех, ибо вмещала столько жемчуга и дорогих камней, что количества их не определить и не счесть, будь то яхонты, изумруды, бирюза и топазы. Что же касается жемчуга, то его были там кучи, а сердолик виднелся рядом с кораллом. Оттуда Али-Баба перешел в комнату благовоний, духов и курений — а это была последняя комната — и нашел в ней все лучшие сорта и прекрасные разновидности вещей этого рода. Там веяло алоэ и мускусом и пахло запахом амбры и цибета, по комнате разносилось благовоние недда и всяких духов, и она благоухала шафраном и прочими ароматами. Сандал валялся там, как дрова для топки, и мандал лежал, словно брошенные сучья.

Увидев эти богатства и сокровища, Али-Баба оторопел, и ум его был ошеломлен, и разум у него помутился. Он постоял некоторое время в недоумении и растерянности, а затем сделал несколько шагов и стал внимательно рассматривать драгоценности; подходил к жемчугу и вертел в руках бесподобную жемчужину, или бродил среди рубинов, отбирая благородные камни, или выискивал кусок-другой парчи, шитой ярким золотом, который ему особенно нравился, или арохаживался среди отрезов мягкого, нежного шелка, или вдыхал аромат алоэ и благовоний. Потом он подумал: пусть разбойники даже долгие годы и многие дни собирали эти богатства и диковинки, они не могли бы накопить и части их; знать сокровищница, несомненно, существовала раньше, чем они в нее проникли, и, во всяком случае, они ею завла дели незаконным образом и несправедливым путем. Если он. Али-Баба, воспользуется случаем и возьмет малую толику этого большого богатства, он не совершит греха и не заслужит упрека, а потом, раз богатства столь обильны и они не могут их исчислить и сосчитать, то они не заметят и не узнают, что часть их взята. И тогда Али-Баба решил взять сколько-нибудь этого брошенного золота и принялся переносить мешки с динарами из сокровищницы наружу, причем всякий раз, как он хотел войти или выйти, он говорил: «Сезам, открой твою дверь!» — и дверь распахивалась. А окончив выносить деньги, он нагрузил ими ослов и прикрыл мешки с золотом небольшим количеством дров. Он погонял животных, пока не дошел до города, и тогда он направился в свое жилище, радостный, со спокойным сердцем. И когда Али-Баба вошел в свое жилище, он запер за собою ворота, остерегаясь, как бы не ворвались к нему соседи. Он привязал ослов в стойле и задал им корму, а потом взял один мешок, поднялся к своей жене и положил мешок перед нею, а после этого снова спустился вниз и принес другой мешок, и так носил мешок за мешком, пока не перенес все мешки, а жена его смотрела, ошеломленная, удивляясь его поступкам. Она пощупала один из мешков и ощутила твердость динаров, и тут лицо ее пожел тело и состояние ее расстроилось, так как она решила, что ее муж украл эти обильные деньги. «Что ты сделал, о злополучный! — воскликнула она.— Нет нам нужды в том, что недозволено, и не надобны нам чужие деньги! Что до меня, то я довольствуюсь тем, что уделил мне Аллах, и согласна жить в бедности. Я благодарна за то, что Аллах мне посылает, не думаю о чужом богатстве и не хочу ничего запретного».— «О женщина,— сказал ей Али-Баба,— да будет спокойна твоя душа •и да прохладится твое око! Не бывать никогда тому, чтобы рука моя коснулась запретного, а что касается этих денег, то я нашел их в одной сокровищнице, и воспользовался случаем, и взял их и принес сюда». Потом Али-Баба рассказал жене о том, что случилось у него с разбойниками, от начала до конца,— а в повторении нет пользы,— а окончив рассказывать, велел ей держать язык за зубами и хранить тайну, и когда его жена услыхала это, она до крайности удивилась, и схрах ее исчез, и расправилась ее грудь, и охватила ее великая радость. А Али-Баба опорожнил мешки посреди комнаты, и золота оказались целые кучи. Его жена была ошеломлена, и поразилась обилию золота, и принялась было считать динары, но Али-Баба сказал ей: «Горе тебе, ты и за два дня не сумеешь пересчитать их, и от этого не будет никакой пользы! Не стоит сейчас заниматься таким делом, и по-моему, лучше всего нам будет выкопать для этих денег яму и зарыть их туда, чтобы наше дело не стало явным и не разгласилась наша тайна».— «Если тебе неохота считать деньги, то необходимо их перемерить, чтобы мы хоть приблизительно знали, сколько их»,— возразила его жена. И Али-Баба сказал: «Делай как тебе угодно, но я боюсь, как бы люди не узнали о наших обстоятельствах. Тогда раскроется наша тайна и мы станем каяться, хотя и не будет от раскаяния пользы». Но жена Али-Баба не обратила внимания на его слова и не посчиталась с ними, а. наоборот, вышла, чтобы занять у кого-нибудь меру, так как вследствие ее бедности у нее не было сосуда для отмеривания. Она пошла к своей невестке, жене Касима, и попросила у той меру, и невестка сказала: «С любовью и удовольствием!» — и вышла, чтобы принести меру, говоря про себя: «Жена Али-Баба бедная, и нет у нее привычки что-нибудь отмерять. Посмотреть бы, какое у нее сегодня зерно, что ей вдруг потребовалась мера». И жене Касима захотелось разнюхать в чем дело и узнать истину. Она положила на дно меры немного воску, чтобы отмеряемое зерно к нему прилипло, и потом отдала меру жене Али-Баба, а та взяла меру, поблагодарила невестку за милость и поспешно возвратилась в свое жилище. Придя домой, она села и принялась мерить золото, и оказалось, что его десять мер, и жена Али-Баба обрадовалась и рассказала об этом своему мужу. А Али-Баба между тем выкопал большую яму, сложил туда золото и снова засыпал яму землей, а его жена поспешила вернуть меру невестке.

Вот что было с этими двумя.

Что же касается жены Касима, то, когда жена Али-Баба ушла, ее невестка перевернула меру и увидела динар, который прилип к воску. Жена Касима сочла это удивительным, так как знала, что Али-Баба беден, и просидела некоторое время в недоумении, а потом она убедилась, что вещь, которую отмеривали,— чистое золото, и сказала про себя: «Али-Баба прикидывается бедняком, а сам меряет золото мерами! Откуда пришло к нему такое счастье и где он добыл это обильное богатство?» И вступила ей в сердце зависть, и загорелась ее душа, и она сидела, дожидаясь прихода мужа, и была в наихудшем состоянии. Что же касается Касима, ее супруга, то он обычно каждый день спешил уйти в свою лавку и оставался там до вечера, занятый куплей и продажей, получая и отдавая деньги, и жена в тот день не могла его дождаться из-за своего великого огорчения, и зависть убивала ее. А когда пришел вечер и спустилась ночь, Касим запер свою лавку и направился домой, и войдя, он увидел, что жена его сидит унылая, грустная, с плачущими глазами и опечаленным сердцем. А Касим любил ее великой любовью и спросил: «Что с тобой случилось, о прохлада моего глаза и плод моего сердца, и какова причина твоей печали и плача?» — и жена его воскликнула: «Поистине, мала твоя сметливость и невелика твоя щедрость! О, если бы я вышла замуж за твоего брата! Хоть он с виду и беден, и говорит, что нуждается, и живет как неимущий, а денег у него столько, что количество их знает лишь один Аллах и исчислить их можно только мерами. А ты притязаешь на счастье и благоденствие и гордишься своим богатством, а на самом деле ты всего лишь бедняк в сравнении с твоим братом, так как считаешь свои динары по одному. Ты удовольствовался малым, а ему оставил многое».

И она рассказала мужу, что произошло у нее с женой Али-Баба,— как та одолжила у нее меру, а она положила на дно меры воску и к воску прилип динар. И когда Касим услышал слова своей жены и воочию увидел динар, прилипший снизу к мере, он убедился, что к его брату пришло счастье, но не обрадовался этому, а наоборот, его сердцем овладела зависть, и он замыслил против брата дурное, ибо он был человек завистливый, подлый, презренный и скупой. И провели они с женой эту ночь в наихудшем состоянии от великой горести и мучительной тоски, не смежая век, и не шел к ним сон и дремота, а наоборот, они всю ночь не спали, волновались, пока не засветил Аллах утро и не засияло оно, озаряя мир своим светом. И Касим совершил утреннюю молитву, и пошел к своему брату, и вошел к нему в дом внезапно, а Али-Баба, увидев Касима, встретил его наилучшим образом, проявляя радость и приветливость, и посадил его на почетное место; и когда Касим уселся как следует, он сказал Али-Баба: «Почему это, о брат мой, ты живешь в бедности, в нужде, хотя у тебя в руках богатства, которых не пожрать огнем? Какова причина твоей скаредности и нищенского существования при значительном состоянии и возможности много тратить? Что толку от денег, если человек ими не пользуется? Разве не знаешь ты, что скупость причисляют к порокам и недостаткам и считают дурным, порицаемым качеством?» И брат Касима ответил ему: «О, если бы был я таким, как ты говоришь! На самом деле я так же беден, как раньше, и нет у меня богатства, кроме ослов и топора; что же касается этих твоих слов, то я дивлюсь им, не знаю их причины и совершенно не разумею их».— «Ложь и хитрость теперь уже не помогут, и ты не можешь меня обмануть, ибо дело твое стало явным и положение твое, которое ты скрывал, сделалось известно,— возразил Касим. Он показал Али-Баба динар, прилипший к воску, и воскликнул: — Вот что мы нашли в мере, которую вы у нас одолжили, и не будь твое богатство обильным, она бы вам не понадобилась и вы бы не мерили золото на меры!»

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Тут Али-Баба понял, что причина раскрытия его тайны и обнаружения его богатства — скудоумие жены, которая пожелала перемерить золото, и что он сделал ошибку, послушавшись ее, но какой конь не спотыкается и какой клинок когда-нибудь не отскочит? Он сообразил, что исправить оплошность можно, только сделав тайное явным, и что правильно будет ничего не скрывать и осведомить брата о случившемся. Во всяком случае, раз денег так много, больше, чем может исчислить мысль и воображение, то его доля не уменьшится, если он поделится с братом и они станут владеть ими сообща; ведь они не изведут этих денег даже если проживут сто лет и будут брать из них на расходы ежедневно. И затем, побуждаемый таким мнением, он рас сказал брату историю с разбойниками и сообщил, что у него с ними было: как он вошел в сокровищницу и вынес оттуда много денег и какие пожелал драгоценные металлы и ткани, и потом сказал: «О брат мой. все, что я принес, будет у нас общее, и мы поделим это поровну, а если ты захочешь больше, я тебе принесу. Ведь ключ от сокровищницы у меня, и я спущусь туда и вынесу что хочу без препятствий и помех».— «На такой дележ я не согласен,— возразил Касим.— Я желаю, чтобы ты провел меня к месту клада и осведомил о тайне входа в него. Ты возбудил во мне желание туда проникнуть, и я хочу его видеть; как ты вошел в него и забрал все что хотел, так и я желаю туда войти. Я посмотрю на то, что там есть, и возьму, что мне понравится, а если ты не согласишься на то, что я хочу, я пожалуюсь на тебя правителю города и осведомлю его о твоем деле, и тебе достанется от него то, что будет неприятно». Услышав слова Касима, Али-Баба сказал: «Чего ты грозишь мне правителем? Я ни в чем тебе не прекословлю и осведомлю тебя обо всем, что ты хочешь знать, и я колебался только из-за разбойников, боясь, что они тебя обидят. А если ты хочешь войти в сокровищницу, то мне не будет от этого ни вреда, ни пользы. Бери сколько тебе понравится: если ты начнешь таскать эти драгоценности, то не сможешь перенести все, что лежит в сокровищнице, и то, что ты там оставишь, всегда будет во много раз больше того, что ты возьмешь». Потом Али-Баба показал Касиму дорогу к горе и место клада, научил его словам: «Сезам, открой твою дверь!» — и сказал: «Запомни хорошенько эти слова и берегись их забыть; я боюсь козней разбойников и последствий этого дела».

Когда Касим узнал местонахождение клада, постиг, каким способом до него добраться, и запомнил необходимые слова, он ушел от своего брата радостный, не внимая его предостережениям и не задумываясь о сказанных им словах. Он вернулся в свое жилище с веселым лицом, явно обрадованный, и рассказал жене, что произошло у него с Али-Баба, и молвил: «Завтра утром, если захочет Аллах, я отправлюсь на гору и вернусь к тебе с еще большими богатствами, чем те, что принес мой брат; твои упреки огорчили и взволновали меня, и я хочу сделать нечто такое, что вернет мне твое благоволение». Потом Касим снарядил десять мулов, взвалил на каждого мула по два пустых сундука, положил необходимые инструменты и веревки и лег спать с намерением отправиться в сокровищницу и завладеть содержащимися в ней богатствами и драгоценностями, не делясь ими с братом. А когда засияла заря и заблистало утро, он поднялся, наладил снаряжение на своих мулах и до тех пор гнал их перед собой, пока не дошел до горы. Достигнув ее, он стал искать дверь, руководствуясь признаками, которые описал брат, и непрестанно разыскивал ее, пока она не появилась перед ним на склоне горы среди травы и растений. И увидев дверь, Касим поспешно произнес: «Сезам, открой твою дверь!» — и дверь перед ним вдруг распахнулась. И Касим удивился до крайней степени и, торопясь и спеша, вошел в сокровищницу, жаждая поскорей забрать ее богатства, и едва он перешагнул порог, дверь замкнулась за ним, как обычно.

И Касим прошел через первую комнату и дошел до второй и третьей, и он переходил из комнаты в комнату, пока не миновал их все. Он опешил, увидя находившиеся там диковинки, и растерялся, найдя столько редкостей; ум чуть не улетел у него от радости, и ему захотелось забрать все эти богатства сразу. И Касим походил направо и налево и поворошил некоторое время кучи дирхемов и драгоценных вещей, а потом решил уходить. Он взял мешок с золотом, взвалил его на плечи и подошел к двери, намереваясь произнести нужные слова, чтобы дверь открылась, то есть сказать: «Сезам, открой твою дверь!» — но эти слова не пришли ему на язык, и он совершенно их запамятовал. Он сел и начал их вспоминать, но они не появлялись у него на уме и не прояснялись у него в мыслях: напротив, он их совсем позабыл. Он сказал: «Ячмень, открой дверь!» — но дверь не открылась, потом сказал: «Пшеница, открой дверь!» — но дверь не шевельнулась, потом крикнул: «Просо, открой дверь!» — но дверь осталась закрытой, как была, и Касим называл один злак за другим, пока не перечислил названия всех, но слова: «Сезам, открой твою дверь!» — так и исчезли у него из памяти.